Натурщица / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Натурщица / рассказ НАТУРЩИЦА

Однажды утром Эфраим Элигу позвонил в Лигу Молодых Художников и попросил порекомендовать ему опытную натурщицу, которая согласилась бы позировать обнажённой. Он высказал пожелание подобрать женщину лет тридцати и спросил секретаршу, может ли она посодействовать в его просьбе.
— Ваше имя мне незнакомо, — ответила она — Вы прежде с нами не сотрудничали? Некоторые наши студенты позируют, но обычно только художникам, которых мы знаем.
Мистер Элигу признался, что раньше не обращался к ним и дал понять, что он любитель, хотя когда-то брал уроки рисования в Лиге.
— У Вас есть своя студия?
— Да, это просторный, хорошо освещённый зал.
— Я не совсем дилетант, — продолжал он, — но не брался за кисть уже много лет, а сейчас хотел бы сделать несколько набросков обнаженных женщин, хочется вернуть утраченное чувство формы. Я не профессиональный художник, Вы понимаете, но серьёзно занимаюсь живописью. Если нужны какие-то отзывы обо мне, могу их предоставить.
Он поинтересовался, какова плата за позирование, и после небольшой паузы женщина ответила:
— Шесть долларов пятьдесят центов.
Мистер Элигу сказал, что его это устраивает. Он как будто хотел ещё что-то выяснить, но секретарша вовсе не стремилась поддержать разговор. Она записала его имя и адрес, пообещав подыскать для него подходящую модель и прислать её через день. Он поблагодарил женщину за помощь.
Это было в среду, а натурщица появилась в пятницу утром. Она позвонила накануне вечером, чтобы договориться о времени сеанса. Около девяти часов утра раздался короткий звонок, и мистер Элигу поспешил открыть дверь. Эфраим Элигу, седовласый

мужчина лет семидесяти, жил в коричневом кирпичном доме недалеко от Девятой Авеню. Сейчас его очень волновала предстоящая работа с молодой натурщицей.
Натурщица оказалась довольно невзрачной женщиной лет двадцати семи или около того. Старый художник сразу отметил про себя её очень выразительные глаза. На ней был голубой дождевик, хотя на дворе стояла весна, а в небе – ни облачка. Старому художнику понравилось её лицо, но говорить об этом он не стал. Женщина решительно вошла в комнату, даже не взглянув на него.
– Хороший день выдался, не правда ли? – заметил он.
– Да, хороший день, – согласилась она.
– Настоящая весна, – продолжал старик. – Деревья вновь покрываются листвой.
– Где мне переодеться? – спросила натурщица.
Мистер Элигу спросил её имя, и она ответила:
– Мисс Пэрри.
– Я думаю, Вы можете переодеться в ванной, Мисс Пэрри, или, если хотите, в моей комнате – прямо по коридору – там никого нет, и Вы можете спокойно переодеться. В комнате теплее, чем в ванной.
Натурщица ответила, что ей всё равно, но всё же предпочла ванную.
– Это как Вы пожелаете, – сказал старик.
– Ваша жена где-нибудь поблизости? – поинтересовалась девушка, пытаясь заглянуть в комнату.
– Вообще-то я вдовец.
Он рассказал, что когда-то у него была дочь, но она погибла в результате несчастного случая.
– Мне очень жаль, – сказала натурщица. – Я пойду переоденусь и через несколько минут вернусь.
– Вы можете не торопиться, – предупредил мистер Элигу, довольный тем, что скоро будет рисовать её тело.
Мисс Пэрри вошла в ванную и разделась. Вскоре она вернулась и сбросила с себя махровый халатик. У неё были худые, но очень аккуратные плечи. Она спросила художника, как ей нужно позировать. Они находились в зале с огромным окном. Мистер Элигу, стоя у лакированного кухонного столика, смешивал на нём

содержимое двух маленьких тюбиков краски. Рядом лежали ещё три нетронутых тюбика. Натурщица курила. Сделав последнюю затяжку, она оставила сигарету в крышке от кофейной банки на кухонном столе.
— Я надеюсь, Вы позволите мне покуривать время от времени?
— Не стану возражать, если Вы будете курить в перерывах.
— Собственно это я и имела в виду.
Девушка наблюдала за тем, как он медленно смешивал краски.
Мистер Элигу не стал смотреть на её голое тело сразу. Он попросил натурщицу сесть на стул у окна, из которого можно было увидеть задний дворик и его украшение — китайский ясень с ещё юной, только появившейся листвой.
— Вы хотите, чтобы я сидела так или заложить ногу за ногу?
— Как Вы предпочитаете. Для меня это не имеет значения. Лишь бы Вам было удобно.
Казалось, натурщица удивилась, но всё же уселась на жёлтый стул у окна и положила ногу на ногу. У неё была хорошая фигура.
— Так Вас устроит?
Мистер Элигу кивнул.
— Неплохо, — сказал он, — очень даже неплохо.
Он окунул кисточку в краску, разведенную на столешнице и, кинув беглый взгляд на обнажённое тело натурщицы, начал рисовать. Он смотрел на неё и тут же отводил глаза, будто боялся оскорбить её. Но выражение его лица оставалось бесстрастным. Со стороны могло показаться, что пишет он небрежно, лишь время от времени пристально вглядываясь в натурщицу. А она — словно вообще не замечала его присутствия. В какой-то момент девушка отвернулась, чтобы посмотреть на ясень, и он тотчас уловил это мгновенное движение, пытаясь прочесть на её лице, что она увидела.
Затем она стала с интересом наблюдать за художником. Она следила за его глазами и руками.
— Может быть, что-то не так? — смущённо спросил он. Когда отведённый для позирования час близился к концу, натурщица нетерпеливо поднялась с жёлтого стула.
— Вы устали? — спросил художник.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Я просто хотела бы узнать, чем по-вашему Вы здесь занимаетесь, в конце концов? Я, честно говоря, думаю, Вы даже не знаете, как кисть в руках держать!

Эти слова поразили его. Он быстро набросил на холст салфетку.

Прошло какое-то время, прежде чем мистер Элигу, отрывисто дыша, облизнул свои сухие губы и сказал, что вовсе не претендует на звание художника. Он добавил, что не скрывал это от женщины, ответившей на его звонок в художественную школу. Затем продолжил:

— Должно быть, я допустил ошибку, позвав Вас сегодня к себе домой. Я думаю, мне надо было больше поупражняться самому и не отнимать ни у кого времени. Наверное, я ещё не достаточно готов к работе, которой хотел бы заниматься.

— Меня не интересует, как долго Вы упражнялись, — начала мисс Пэрри. — Лично я думаю, что Вы меня вообще не нарисовали. Больше того, я чувствовала, что Вы и не собирались меня рисовать. Вы ведь вовсе не для этого меня сюда позвали, а скорее для того, чтобы пялиться на моё голое тело. Кто знает, зачем Вам это надо. Понятия не имею, чего Вы хотите, но, чёрт возьми, готова поклясться, к рисованию это никакого отношения не имеет.

— Мне кажется, я допустил ошибку.

— Мне тоже так кажется, — сказала натурщица. Она уже успела одеться и туго затянула пояс.

— Я сама художница, — призналась она. — Сейчас мне приходиться позировать, потому что осталась без гроша, но я могу распознать подделку.

— Я бы не чувствовал себя так неловко, — сказал мистер Элигу, — если бы не приложил все усилия, чтобы объяснить ситуацию той женщине из Лиги.

— Мне жаль, что так получилось, — продолжал мистер Элигу осипшим голосом. — Я должен был всё хорошенько обдумать. Мне семьдесят лет. Я всегда любил женщин и переживал, что в этот период моей жизни у меня нет близких друзей среди них. Это одна из причин, побудивших меня опять взяться за кисть. Но я никогда не строил иллюзий относительно моих художественных

способностей. К тому же, мне кажется, не осознавал, как много подзабыл о живописи. И не только о рисунке, но и о женском теле. Совсем не предполагал, что Ваше тело так возбудит меня. А ещё я был растроган нахлынувшими воспоминаниями и размышлениями о том, как прошла моя жизнь. Я надеялся, что рисование вернёт мне утраченное чувство радости жизни. Сожалею, что побеспокоил Вас и причинил неудобство.

— Мне заплатят за неудобство, — сказала мисс Пэрри, — но Вы не в состоянии загладить свою вину за унижение, которое я испытала, придя сюда. Вы не можете расплатиться со мной за чувство отвращения от того, как вы пожирали глазами моё тело.

— У меня и в мыслях не было унизить Вас.

— Тем не менее, унизили, а как же ещё это можно назвать?

Затем она попросила мистера Элигу раздеться.

— Мне? — удивлённо переспросил он. — Для чего?

— Я хочу сделать набросок. Живо снимайте штаны и рубашку!

Он ответил, что только избавился от своего зимнего белья, но девушка даже не улыбнулась.

Мистер Элигу разделся, стыдясь своего вида.

Быстрыми мазками она набросала его фигуру. Он выглядел не так уж плохо, но чувствовал себя ужасно. Закончив набросок, она обмакнула кисточку в пятно чёрной краски, которую выдавила из тюбика, и замазала изображение, превратив всё в чёрную грязь.

Он видел её ненависть, но ничего не сказал.

Мисс Пэрри бросила кисточку в корзину для мусора и направилась в ванную за своей одеждой.

Старый мужчина выписал ей чек на сумму, о которой они предварительно условились. Он стыдился писать своё имя, но всё же поставил подпись и отдал чек девушке. Мисс Пэрри небрежно закинула его в свой большой ридикюль и ушла.

Он подумал, что по-своему она была привлекательна, но ей явно не хватало такта. А потом старик спросил себя:

— Неужели мне больше нечего ждать от жизни? Неужели это всё, что мне осталось?

Ответ был очевиден, поэтому он не смог сдержать слёз, осознавая, как быстро состарился.

Когда позже он снял с холста салфетку и попробовал вписать в

овал лица её черты, он не смог их вспомнить. Hekaýalar